

СОГЛАШЕНИЕ НА СПОР

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

18+

Александр Абросимов

Соглашение на спор

«Автор»

2026

Абросимов А.

Соглашение на спор / А. Абросимов — «Автор», 2026

Десять чужих дверей. Один бесконечный спор. Лада живет в коконе из старых обид, пока однажды не находит в кармане пальто связку ключей, которых там быть не должно. Помочь вызывается Семён — язвительный наглец, чьи шуточки жалят лучше крапивы. Из-за нелепого пари они начинают обходить владельцев, но городское расследование быстро превращается в опасную игру на выживание. Каждый возвращенный замок вскрывает новые тайны: забытые стихи, утраченные детские рисунки и зияющую пустоту там, где у Лады должен быть дом. Когда последняя дверь открывается в её собственное стертое прошлое, единственной опорой остается человек, который знает о ней всё худшее, но не уходит. Ему не нужен выигрыш в споре. Ему нужна она сама, замерзающая на пороге. Сможет ли холодное отчаяние превратиться в теплый лёд безусловного доверия?

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Шершавый карман	5
Глава 1. Шершавый металл	6
Глава 2. Пари со вкусом озона	10
Глава 3. Запах типографской краски	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Соглашение на спор

Пролог. Шершавый карман

Пальто пахло чужим подъездом, мокрым асфальтом и дешевой туалетной водой из метро смесью, которая Ладе решительно не нравилась. Она купила его на распродаже в приступе жалости к себе: бесформенное, цвета прелой листвы, оно должно было стать идеальным коконом, скрывающим её от любопытных глаз бухгалтерии. Идеальная униформа для человека-невидимки.

Она запустила руку в глубокий внутренний карман, чтобы проверить, не забыла ли перчатки. Пальцы наткнулись на холодный, тяжелый металл. Не мелочь. Связка ключей.

Лада замерла посреди прихожей, так и не сняв сапог. Тяжелая связка оттягивала ладонь. Старый латунный брелок-сердце с облезлой эмалью, три обычных английских ключа, один фигурный, похожий на отмычку, и маленький навесной замочек, пристегнутый стальным колечком. Вещь с характером. Вещь со своей историей.

Её собственная история закончилась пять лет назад, когда она научилась запирать все двери на два оборота и проверять шпингалет. В её жизни не было места случайным вещам. Каждая чашка стояла на своем месте, каждая книга лежала строго по корешку. А эти ключи жгли кожу сквозь тонкую шерсть подкладки. Они были громким вторжением в её стерильную тишину.

Как они там оказались? Она перебрала в памяти вчерашний день до последней секунды. Офис, где гул принтера сводил с ума. Маршрутка, где водитель резко тормознул, и она едва не упала на колени мужчине в сером пальто. Супермаркет, кислые яблоки, очередь... Нет. Провалов нет. Она бы запомнила момент кражи или потери. Значит, это не случайно.

Сердце пропустило удар и заколотилось о ребра панической птицей. Кто-то подложил их ей. Намеренно. Это была чья-то злая шутка, проверка на прочность, взлом системы безопасности её одиночества. Сейчас позвонят в дверь. Или уже звонят в домофон. Выследили. Нашли.

Лада заставила себя разжать побелевшие пальцы. Ключи упали на тумбочку с глухим, похоронным звоном. Звук был слишком реальным для галлюцинации. Она смотрела на них, как на ядовитую змею, свернувшуюся у порога. Нужно выбросить. Спустить в мусоропровод прямо сейчас, пока страх не парализовал легкие окончательно. Сделать вид, что ничего не было. Вернуться в свой безопасный футляр.

Но взгляд зацепился за сердце-брелок. Эмаль облупилась именно так, словно ключ годами терся о грубую джинсу чьих-то рабочих брюк. На металле остались микроскопические царапины чужой жизни.

Выбросить значило признать поражение перед собственным безумием. Оставить впускать хаос в идеально выстроенную крепость.

Лада медленно опустила руку на банкетку, прижимая ледяные ладони к горящим щекам. Ключ от квартиры номер сорок семь. Ключ от кабинета. Ключ от чего-то очень личного, чему даже не придумали названия.

Тишина в квартире стала плотной, осязаемой, давящей на перепонки. И в этой оглушающей пустоте Лада впервые за долгие годы почувствовала не привычную безопасность стен, а режущий, животный ужас абсолютного, ничем не защищенного одиночества. Эти ключи были доказательством того, что кто-то всё-таки смог подобраться вплотную. И теперь этот невидимый «кто-то» ждал снаружи, дыша в такт её сбившемуся пульсу.

Глава 1. Шершавый металл

Пуховик цвета прелой листвы казался еще тяжелее из-за свинцовой связки в кармане. Лада толкнула стеклянную дверь химчистки, и над головой тренькнул колокольчик фальшивый, медный, раздражающий. Внутри пахло едкой химией, нагретым пластиком и чужими жизнями, упакованными в целлофан.

За стойкой восседала Раиса Павловна, бывший комендант общежития текстильного института, переквалифицировавшаяся в стража чистоты. Она смотрела на принесенное пальто так, словно Лада пыталась сдать в стирку дохлую кошку. Карманы выворачивали? гаркнула она, не здороваясь. Лада кивнула. В горле стоял колючий ком привычного желания стать меньше, незаметнее, просто отдать деньги и исчезнуть. А это что? толстый палец с облупленным лаком ткнулся в оттопыренную ткань. Металл оставлять нельзя. Оборудование портят, цепляются. Вынимайте.

Лада молча потянула за кольцо. Связка упала на стойку с глухим стуком. Раиса Павловна поджала губы: принимать не буду. Это ответственность клиента. Потеряете я виновата? Я их только что нашла, голос Лады прозвучал сипло. Я не знаю, чьи они. Мне нужно просто почистить пальто. Ничего не знаю. Правила для всех одни. Или оставляйте здесь, или идите домой выковыривать.

Сзади звякнул дверной колокольчик снова. По плечам Лады, одетым в тонкую блузку, прошел холодок сквозняка, принесся запах морозного бензина и горького мужского парфюма. Рай, привет. Опять воюешь? раздался ленивый, чуть насмешливый баритон.

Семён бросил на стойку тяжелый черный планшет. Он был без шапки, темные волосы стояли дыбом от ветра, а воротник дорогого кашемирового пальто был небрежно поднят. Бывший системный администратор их конторы, уволенный полгода назад со скандалом за слив базы данных клиентов конкурентам. Теперь он выглядел как человек, который купил ту самую базу вместе с компанией. Дорогая щетина, глаза цвета мокрого асфальта и улыбка, от которой у бухгалтерии когда-то плавилась пластиковые карты.

Раиса Павловна мгновенно сменила гнев на милость, превратившись из церберы в заботливую тетушку: Сенечка! Курточку забрал? Там пятно на рукаве осталось, я тебе говорила... Забрал, спасибо, мать. Золото, а не женщина, Семён мазнул взглядом по залу и наткнулся на Ладку. Его зрачки расширились, фокусируясь. Узнавание пришло секундой позже, и теплое выражение лица осыпалось ледяной крошкой. О. Мышь офисная. Тебя тоже уволили за профнепригодность, раз ты теперь пуховики сама носишь?

Лада почувствовала, как кровь ударила в лицо. Не от стыда от слепящей, чистой ярости. Той самой, которую она годами утрамбовывала внутри себя, чтобы выжить среди опенспейсов и корпоративных тренингов. Отвернись, тихо сказала она ему. Ты мешаешь мне разговаривать с сотрудником.

Семён оперся локтем о стойку прямо перед её лицом, нависая. От него пахло цитрусами, кофе и чем-то опасным, первобытным. Слышь, Рай, он проигнорировал Ладку полностью, обращаясь к администраторше, но смотрел прямо в сузившиеся зрачки Лады. У вас тут пункт приема цветмета открылся? Девушка вот решила пожертвовать обществу старые ключи от подвала. Может, ей премию выписать?

Внутри Лады что-то оборвалось. Страх испарился, оставив после себя выжженную пустыню. Она медленно положила ладони на гладкий холодный пластик стойки. Если ты сейчас же не сделаешь шаг назад, произнесла она очень ровно, глядя ему в переносицу, я заставлю тебя сожрать каждый ключ с этой связки. Начиная с самого большого. Без масла.

Повисла тишина, густая, как смола. Раиса Павловна тихонько ойкнула и сделала вид, что ищет ведомость. Семён моргнул. Впервые за все время их знакомства его вечная броня

сарказма дала трещину. Он ожидал испуга, оправданий, бегства. Но не этого темного, тяжелого взгляда женщины, которая стоит на краю обрыва и думает, не прыгнуть ли вниз назло всему миру.

Он медленно выпрямился, демонстративно поднял руки ладонями вперед. Ладно-ладно. Психованная. Видит бог, я хотел по-хорошему.

Он перевел взгляд на ключи, потом снова на неё. И в этот момент электричество между ними изменилось. Неприязнь никуда не делась она стала плотнее, на электризованнее. Воздух зазвенел от невысказанного: он видел её голые запястья, тонкие, синие от холода, и пульсирующую венку на шее. Она видела, как дергается желвак на его идеально выбритом квадратном подбородке.

Давай сюда свою отраву, неожиданно сказал он, протягивая руку. Жетон на куртку выпиши, бросил он Раисе, даже не поворачивая головы. Что? растерялась Лада. Ключи давай, говорю. Раз уж ты такая беспомощная, что не можешь договориться с гардеробщицей. Отнесу в машину, чтоб твоя Рай тут инфаркт не словила от нарушения техники безопасности. Верну на выходе.

Это было оскорбление втройне. Он снова выставял её идиоткой, вторгался в личное пространство и решал за неё. Любой нормальный человек швырнул бы ему эти ключи в самодовольную физиономию.

Но Лада посмотрела на латунное сердце. Оно тускло блестело под люминесцентными лампами. Если она отдаст их Семёну, он узнает про неё всё. Поймет, где она живет, едва взглянув на бороздки замков. Сделает её уязвимой окончательно.

А если не отдаст останется стоять посреди химчистки с горящим лицом и вещдоком собственной неадекватности.

Она ненавидела его. До звездочек в глазах, до сведенных скул, до желания впиться ногтями в эту ухоженную шею. Но перспектива остаться с ним один на один в этом тесном, пропахшем перхлорэтиленом помещении пугала её сильнее, чем риск. Потому что ненависть была горячей. Обжигающей. И эта жара плавila остатки её хваленного самоконтроля.

Лада сглотнула вязкую слюну. Её пальцы, сжимавшие холодное кольцо, слегка дрожали. Она переложила связку из своей ладони в его.

Момент касания обжег. Его кожа была сухой и горячей, покрытой мелкими мозолями от гитарных струн или руля фактурой, совершенно отличной от мягких офисных рук, которые она привыкла терпеть. Семён сомкнул пальцы вокруг металла. Их руки соприкоснулись на долю секунды дольше необходимого, и воздух в легких закончился. Она ждала, что он сожмет кулак, причиняя боль. Вместо этого он просто придержал её кисть большим пальцем, удерживая равновесие тяжелой связки, прежде чем убрать руку в карман своего неприлично дорогого пальто.

Свободна, ухмыльнулся он, но глаза остались серьезными, сканирующими. После химчистки выходи через левую дверь. Справа скользко, сломаешь свои цыплячи ножки, мне придется вызывать скорую, а у меня совещание.

Он развернулся и пошел вглубь зала забирать свою вещь. Лада стояла оглушенная. Запах его парфюма дорогой кожи, табака и чего-то металлического намертво въелся в слизистую носа. Ненависть никуда не ушла, но теперь к ней примешивался густой, тошнотворный стыд за то, как предательски заныл низ живота от одного случайного прикосновения.

Забрав чистое пальто, которое пахло уже стерильностью, а не людьми, Лада вышла на улицу. Мороз сразу схватил за щеки. Она судорожно зашарила в сумочке, ища перчатки. Пальцы наткнулись на пустоту там, где должны были лежать ключи.

Семёна нигде не было. Черный внедорожник рванул с парковочного места, обдав тротуар снежной грязью, и скрылся за поворотом.

Он уехал с её страхами. С её тайнами. С куском её жизни, который она не помнила.

Всю дорогу до дома Лада сидела в полупустой маршрутке, прижимая к груди бумажный пакет с чистым пальто. Сумка стояла на коленях. Она физически ощущала, как тяжелые ключи прожигают тонкую кожу подкладки. Жар шел снизу, концентрируясь в правой ягодице, пульсируя в такт бешеному сердцу. Казалось, металл раскалился докрасна, грозя расплавить дерматин и упасть на грязный резиновый коврик.

Она закрыла глаза, пытаясь выровнять дыхание. Дура. Наивная, жалкая дура. Сейчас он сидит где-нибудь в теплом кафе, высыпает связку на стол и смеется. Изучает брелоки. Один звонок любому слесарю и адрес квартиры сорок семь будет у него через десять минут. Зачем ему это? Шантаж? Издевательство? Просто скука сытого хищника?

Автобус качнуло на выбоине. Лада инстинктивно крепче сжала лямку сумки, защищая источник жара. И вдруг поняла одну простую, физическую вещь.

Металл не может быть горячим столько времени. Литая латунь быстро принимает температуру окружающей среды. За двадцать минут поездки по февральской Москве ключи должны были превратиться в ледышку. Должны были холодить ногу сквозь сумку и тонкий синтепон брюк.

Но жар не уходил. Он стал глубже, тише. Это больше не жгло химическим ожогом паники. Это пульсировало глубоко в мышцах, отзываясь тянущей тяжестью внизу живота.

Лада осторожно, стараясь не привлекать внимания пожилой соседки с клетчатой сумкой, просунула руку под клапан сумки. Пальцы коснулись грубой ткани. Тепло шло изнутри, от того места, где сходятся бедро и таз. Живое, ритмичное тепло.

Она резко выдохнула. Это не ключи. Это реакция собственного тела на близость опасности. На мужской запах, который впитался в ноздри. На властный голос, прорезавший её уютный серый туман. Организм реагировал на Семёна базово, животное, игнорируя пятилетний курс терапии контроля эмоций. Предательство номер два за сегодняшний день.

Маршрутка подпрыгнула на «лежачем полицейском». Лада непроизвольно сжала бедра. Сквозь слои одежды она ощутила рельеф металла угловатый, ребристый, чужой. Ключ от сейфа больно впился в нежную кожу внутренней стороны бедра.

Она открыла глаза и уставилась в заляпанное дорожной солью окно. В мутном стекле отразилась её собственная бледная маска.

И тогда она заметила его руки. Они всплыли в памяти с кинематографической четкостью. Когда он забирал связку. Лада всегда считала мужские руки либо инструментом угрозы, либо бесполезным придатком. Но руки Семёна жили отдельной жизнью. Широкая ладонь, длинные, чуткие пальцы музыканта, коротко стриженные ногти. Никаких золотых печаток, никакой показушной холености.

Когда он перехватывал связку, его большой палец случайно задел тыльную сторону её ладони. Это длилось миллисекунду. Но мозг зафиксировал фактуру: жесткая линия судьбы, сухая мозоль у основания указательного пальца и теплую шероховатость кожи. Рука человека, который работает ими, а не перебирает бумажки. Рука, способная свернуть шею и этими же пальцами удивительно нежно держать хрупкую чашку.

Эта деталь взорвала её сознание острее, чем спор в химчистке.

Лада представила, как эти пальцы касаются клавиатуры. Как они ложатся на руль. Как они...

Она резко тряхнула головой, прогоняя опасное наваждение.

Ваша остановка, девушка, пробасил водитель.

Лада вылетела из маршрутки в морозную темноту двора, глотая ледяной воздух, пытаясь затушить внутренний пожар снегом. Подъезд встретил запахом кошек и сырого бетона. Она взлетела на свой четвертый этаж пешком, перепрыгивая через две ступени.

Квартира встретила её благословенной тишиной. Лада включила свет в прихожей, сбросила ботинки прямо на пол плевать на чистоту ламината и наконец вытряхнула сумку.

Ключи упали на плитку. Обычный холодный металл. Никакого жара. Никакого свечения. Латунное сердце выглядело дешевым и тусклым.

Обман зрения. Гормональный сбой. Реакция на стресс.

Лада прошла на кухню, налила себе стакан воды из графина. Зубы стучали о стекло. Она подошла к окну, всматриваясь в черную ленту дороги. Черных джипов в городе тысячи. Шанс, что он вернется нулевой. Ему просто стало скучно, он решил поиграть в спасителя, получил дозу превосходства и уехал пить свой крафтовый эль.

Она вернулась в прихожую. Ключи лежали на полу нелепым, мертвым грузом.

Лада присела на корточки. Протянула руку. Коснулась холодного кольца кончиками пальцев.

И замерла.

На одном из железных стержней, которым открывают старые советские замки, ногтем была процарапана едва заметная буква. Глубокая, хищная царапина. Буква «С».

Глава 2. Пари со вкусом озона

Кофейня «Зерно и Пар» пахла жженым сахаром, отчаянием фрилансеров и мокрой шерстью на улице опять зарядил ледяной дождь. Лада пришла сюда не ради двойного эспрессо. Она сидела в самом дальнем углу, за декоративной перегородкой из дикого винограда, прячась от собственного здравого смысла уже сорок минут.

Буква «С». Царапина была слишком глубокой для случайности. Это был автограф. Метка территории. Тот, кто оставил её, знал цену вещам и любил оставлять следы. Семён.

Логика кричала: иди домой, выброси ключи в ближайший мусорный бак по пути, заблокируй его номер, если он вдруг всплывет в мессенджерах. Запрись. Выдохни. Но тело помнило тепло его ладони и шершавую мозоль на пальце. Тело предавало её с пугающей готовностью, требуя повторения дозы адреналина.

Семён появился ровно в три дня, как и договорились они там, в химчистке, когда она швырнула ему связку. Он сбросил тяжелое пальто на спинку стула, оставшись в черном джемпере под горло, который обтягивал широкие плечи так плотно, что, казалось, нить сейчас лопнет. Он выглядел уставшим, но эта усталость делала его только опаснее как у хищника, который долго выслеживал добычу.

Напротив него плюхнулся Даня тот самый приятель, чей громкий смех Лада слышала еще от входа. Даня вечно носил бейсболки и считал себя королем района. Ну что, спаситель заблудших овечек? Даня хлопнул Семёна по плечу. Сдал металлолом в полицию? Заткнись, Семён даже не поднял глаз от меню. Мне нужно просто вернуть их. Быстро зайти, быстро выйти. Быстро только кошки рождаются, Сеня. Ты вторую неделю вокруг той хрущевки круги нарезаешь. Я тебя знаю, братан. Если бы тебе было плевать, ты бы давно выкинул эту ржавчину в Мойку. Что, зацепила мышь офисная? Взгляд у неё... рентгеновский.

Лада вжалась в плетеную спинку кресла. Кровь прилила к лицу. Они говорили о ней. Обсуждали её взгляд, пока заказывали чизкейк. Унижение обожгло щеки, но вместо того, чтобы встать и уйти, демонстративно хлопнув дверью, она осталась сидеть. Неподвижно. Потому что уходить сейчас означало признать поражение. А проигрывать этому самодовольному ублюдку она не собиралась.

Даня заржал, расплескивая свой латте: Пари. Чисто по-братски. У меня тут накладные горят, налоговая дышит в затылок. Денег нет от слова совсем. Если ты до конца недели найдешь хозяев этой рухляди и вернешь им всё лично в руки я закрываю твой долг перед поставщиком оборудования. Полтинник грина. По рукам? Если тянешь или сливаешься отдаешь мне свою новую приставку и чистишь снег у офиса весь месяц. Лопатой.

Семён молчал. Смотрел в ламинированную страницу меню так, словно там были написаны условия его смертного приговора. Лада видела, как дернулся желвак на его скуле. Пятьдесят тысяч долларов. Для человека, который ездит на внедорожнике ценой в квартиру, это звучало почти жалко. Значит, дело не в деньгах. Дело в принципе. В том, чтобы доказать Дане и себе что он контролирует ситуацию.

Срок? голос Семёна прозвучал глухо. Воскресенье. Восемь вечера. Мы бухаем в «Винтаже», жду отчет. Фотоотчет, Сеня. Желательно, с лицами счастливых владельцев и твоей виноватой рожей. Идет.

Они пожали руки. Громко, по-мужски, стискивая пальцы до хруста. Сделка состоялась. Её жизнь, её прошлое, запертое в этих железках, превратилась в валюту для оплаты чужих долгов. Ярость наконец прорвала плотину страха. Она стала чистой, звонкой, звенящей тетивой.

Когда Даня ушел, громко обсуждая какую-то сделку с древесиной, Семён остался один. Он достал телефон, подержал палец над экраном и с силой провел ладонью по лицу. Этот жест абсолютной потери ресурса задел в Ладе что-то материнское, глубинное, чему она тут

же приказала замолчать. Он выглядел не победителем, а человеком, загнавшим себя в угол собственными правилами.

Она встала. Каблуки простучали по деревянному полу. Звук вышел излишне резким, театральным. Семён услышал. Поднял голову.

Их взгляды встретились через половину зала.

Он побледнел. Не от страха от мгновенного понимания. Его глаза потемнели, превращаясь из серых в черные. Зрачки расширились, поглощая радужку. Весь его ленивый городской лоск испарился, обнажая первобытную настороженность зверя, у которого украли добычу прямо из-под носа.

Лада подошла вплотную к его столику. От него пахло кофе, морозом и тем самым горьковатым парфюмом. Озон после грозы. Опасность.

Присаживайся, Мышь, процедил он, кивком указывая на стул напротив. Или предпочитаешь слушать стоя, как истинный пролетариат? Я слышала каждое слово, Лада положила ладони на край липкого стола. Наклонилась вперед, сокращая дистанцию до неприличия. Она чувствовала жар, исходящий от его тела, сквозь слои ткани. Включая сумму долга. Пятьдесят тысяч. Впечатляет масштаб твоего падения, Самойлов. Продаешь родину оптом, теперь перешел на частные коллекции?

Его ноздри дрогнули. Он медленно откинулся на спинку стула, принимая вызов. Положил ногу на ногу. Дорогие брюки натянулись на бедре. Ревнуешь? Думала, ключи золотые? Там меди на бутылку плохого пива. Я думаю, что ты вор, Семен. Ты залез в мое пальто. Ты знаешь про царяпину. И теперь ты торгуешь моими вещами.

Это была ложь, наглая и красивая. Ключ не её. Но нападение лучшая защита. Она была наугад, целясь в его чувство собственной важности.

Семён усмехнулся краешком губ. Эта улыбка никогда не предвещала ничего хорошего. Какая экспрессия. Тебе бы триллеры озвучивать. Ключи упали в твоё пальто, птичка. Законы физики работают везде, даже в офисе. Нашедший получает право на вознаграждение. Или на пари, если уж на то пошло. Кстати, спасибо за подсказку. Налоговая действительно отличный рычаг давления на Даню. Ты разбираешься в арбитражных делах?

Он снова пытался превратить всё в фарс. Сделать вид, что она лишь забавный эпизод в его скучной жизни успешного мальчика.

Лада обошла стол. Медленно. Каждый шаг отдавался гулом в ушах. Она оперлась руками о столешницу по обе стороны от его айфона, заключая его в клетку из своих рук и своего пальто, нависая сверху. Теперь она смотрела на него сверху вниз. Позиция власти. Ее волосы упали вперед, касаясь его щеки. Нет, Самойлов, прошептала она очень тихо, так, чтобы слышал только он. Воздух между их ртами стал густым, тяжелым, пригодным для питья. Ты будешь возвращать эти ключи не одну неделю. Ты будешь возиться с ними месяц. До тех пор, пока у тебя не начнет сводить челюсти от вежливых улыбок.

Семён замер. Его кадык дернулся, сглатывая слюну. Он смотрел на ее губы. Всего секунду, но этого хватило, чтобы температура в помещении поднялась градусов на десять. Взгляд мужчины изменился из насмешливого стал голодным, оценивающим, сканирующим линию ее подбородка и открытую шею. Угрожаешь мне? голос сел на октаву ниже, вибрируя в пространстве. Смело. Глупо, но смело. Хочешь поиграть в детектива? Могу устроить. У меня отличная коллекция наручников. Антикварных.

От этого голоса внизу живота Лады завязался тугой, горячий узел. Ненависть окончательно смешалась с чем-то темным, вязким и абсолютно физиологичным. Ей хотелось одновременно ударить его коленом в пах и впитаться зубами в его нижнюю губу.

Я хочу справедливости, выдохнула она. Раз уж ты решил заработать на моей находке, будь добр соблюдать трудовой кодекс. Я буду присутствовать при каждом возврате. Третьим лицом. Контролером качества.

Семён моргнул, сбрасывая наваждение. На его лицо вернулась привычная маска цинизма, но глаза все еще оставались темными провалами. Исключено. Владельцы могут быть неадекватны. Старые люди часто пугаются посторонних. Это травмоопасно для твоей хрупкой психики. Тогда сделка отменяется, она выпрямилась, разрывая физический контакт. Пространство между ними мгновенно стало арктическим. Скажи Дане, что испугался женщины. Посмотрим, сколько будет стоить твоя репутация альфы.

Она развернулась, чтобы уйти. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Три шага к выходу. Два. Сейчас он ее окликнет. Обязательно окликнет. Мужчины вроде него не терпят, когда последняя реплика остается не за ними.

Стой, рыкнул он. Негромко, но властно. Так отдают команды ротвейлерам.

Лада остановилась. Не обернулась. Просто стояла спиной к нему, чувствуя, как сверлят позвоночник два черных лазера. Хорошо, процедил он ей в затылок. Будешь маячить рядом. Но одно лишнее слово, одна слезинка, одна истерика и я приковываю тебя наручниками к батарее в своей ванной. Поняла? Вопросы контроля решаю сама. Я просто выполняю работу курьера.

Она медленно повернула голову через плечо. Курьеров без интимных мозолей на правой руке не бывает, Самойлов. Следи за конечностями. Когда будем отдавать ключ от квартиры двадцать четыре Б, держи свои руки в карманах.

Не дожидаясь ответа, она вышла из кофейни. Колокольчик прозвенел похоронным маршем.

На улице шел настоящий ливень. Вода лилась сплошной стеной, превращая город в акварельный размыв. Лада подставила лицо холодным каплям, пытаясь остудить кожу, которая буквально пылала изнутри.

Пари со вкусом озона. Запах электричества перед ударом молнии. Она только что подписала контракт на ежедневную пытку близостью. Но глядя на свое отражение в темной витрине растрепанную фурию с горящими глазами она понимала страшную вещь: если бы он согласился отдать ключи полиции или выбросить их, она бы возненавидела его еще сильнее.

Ей нужен был этот огонь. Нужно было смотреть, как плавится броня этого самоуверенного мерзавца, неделя за неделей. Только вот контролировать температуру этого пожара становилось всё труднее.

Глава 3. Запах типографской краски

Дверь антикварной лавки «Пыль и Слово» открылась с трудом, издав звук, похожий на вздох утопленника. Внутри пахло не книжной пылью этот аромат Лада любила, он ассоциировался с безопасностью библиотек. Здесь же царил густой дух старой бумаги, чуть тронутый плесенью, засохшего клея и чего-то медового, сладковато-тленного.

Семён вошел первым, бесцеремонно отодвинув плечом тяжелую бархатную штору, разделяющую помещения. Есть кто живой? крикнул он в полумрак. Доставка потерянных нервов!

Лада поморщилась от его громкого голоса, режущего вековую тишину. Она осталась у входа, сжимая в кармане пальто латунное сердце. Сегодня она надела узкую юбку и высокие сапоги просто назло ему чтобы доказать себе, что контролирует ситуацию, а не прячется в безразмерном коконе.

Из-за стеллажей, уходящих под самый потолок, показался хозяин. Маленький, высохший старик в толстых очках-линзах, из-за которых глаза казались огромными и печальными, как у спаниеля. На нем был надет жилет поверх фланелевой рубашки, а на шее болтался шнурок с карандашом. Тише, молодой человек, прошелестел дед, глядя почему-то мимо Семёна прямо на Ладу. Вы так кричите, что буквы осыпаются. Они старые, им страшно.

Семён открыл было рот для очередной колкости, но наткнулся на взгляд старика и осекся. Впервые за два дня их бесконечной холодной войны нахал растерялся. Мы ключи принесли, буркнул он, доставая связку. Кажется, ваши. От подсобки или сейфа со золотом?

Старик проигнорировал протянутую руку Семёна. Он обошел прилавок мелкими, шаркающими шагами и остановился перед Ладой. Вблизи стало видно, какой прозрачной стала кожа на его руках сплошная синяя сетка вен. Это не замок, деточка, сказал он тихо, кивая на брелок в её кармане, который предательски выпирал сквозь ткань. Это якорь. Такие вещи сами находят тех, кому нужно зацепиться за берег. Ты ведь давно дрейфуешь, да? Штормит тебя.

Воздух в лавке стал густым. Семён стоял за спиной старика, скрестив руки на груди, и тяжело дышал. Лада чувствовала затылком волны исходящего от него раздражения, смешанного с чем-то подозрительно похожим на суеверный страх. Дед-поэт разрушал его картину мира, где всё решалось деньгами, спорами и наглостью.

Я не понимаю, о чем вы, голос Лады прозвучал слишком высоко. Она ненавидела себя за эту дрожь. Понимаешь, улыбнулся одними глазами старик. Замок открывается не железом. Железо только царапает дерево. Нужны слова. У меня тут завалилось кое-что... подходящее случаю.

Он нырнул под прилавок и вернулся с тоненькой книжкой в мягкой обложке цвета слоновой кости. Никаких гляцевых бликов. Только шершавый картон и тиснение золотом, уже стертые на углах. Серебряный век. Не Пушкин, там всё понятно и сытно. Тут про то, как любить до вывиха челюсти. Когда дышать больно. Держи. Иногда чужие стихи работают лучше любой смазки для заржавевшего сердца.

Он буквально впихнул сборник ей в руки. Книга оказалась неожиданно тяжелой, теплой, словно живой организм. Бесплатно? хрипло спросил Семён, нарушая магию момента. Его бас резанул по ушам. Или это тоже входит в условия вашего пари с Даней? Разводишь мою спутницу на комплименты?

Старик медленно перевел взгляд на Семёна. Линзы очков поймали тусклый свет лампочки, вспыхнув двумя белыми пятнами. А ты, мальчик, иди полки поправь, если руки чешутся. Третья слева, антология истории, провисла. Угровишь мне весь фолиант своим нетерпением. Иди, покажи девушке, что умеешь работать руками не только языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.